

Д-р Э. ШЛИНК,
проф. Гейдельбергского университета

ТЕЗИСЫ К ДИАЛОГУ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНЫМИ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКИМИ БОГОСЛОВАМИ О ПРОБЛЕМЕ ПРЕДАНИЯ

(Доклад)

I

Иисус Христос, Распятый и Воскресший, есть основание Церкви. Как избранные очевидцы Иисуса Христа апостолы с Ним суть основание Церкви.

II

Церковь во все времена и во всех местах должна пребывать на основании апостолов. Только как Апостольская Церковь является святой, Кафолической. Этим для Церкви устанавливается задача Апостольского Предания.

III

Апостольское Предание должно иметь место в *каждом* слове и деянии Церкви. В своем распространении во все новые области мира и в своем диалоге со все новыми и новыми религиями и философиями Церковь должна возвещать апостольское благовестие всегда новыми языками и словами, раскрывать апостольское исповедание Христа и продолжать апостольскую молитву, крещение и преломление хлеба. В этих исторических проявлениях в слове и в деле она должна верить в то, что Иисус Христос не только призывается *исторически*, в воспоминание, в соответствии с Апостольским Преданием, но, как вознесенный Господь, Он действует и *в настоящее время* через Святого Духа в Церкви, а через Церковь — в мире. Такова особенность Апостольского Предания в отличие от других преданий, исторических деяний и слов. Апостольское Предание тем самым есть живое Предание, которое осуществляется в многообразии исторических проявлений.

IV

В непрерывной борьбе между Церковью и миром Апостольское Предание, именно как живое Предание, особым образом подвергается опасности: мир улавливает Церковь через ложные учения и насилие извне, но также и через членов Церкви и через группы ее членов, которые выступают во имя Христа и, ссылаясь на апостолов, стремятся оторвать Церковь от ее исторической апостольской основы. Поэтому во множестве Преданий, на которые ссылаются, как на Предания апостолов и их учеников, надо с постоянной бдительностью различать Предания истинные от ложных.

V

В потоке церковной жизни Церковь зафиксировала Апостольское Предание в библейском каноне, в догматах и в церковном строе таким образом, чтобы они, как константы, авторитетно определяли многообразие церковной жизни, способствовали осознанию границ Церкви и обеспечивали единство Церкви. При этом авторитет канона, догматов и строя Церкви основывается не на решении самой Церкви, но на прежде данном авторитете апостолов, который через это ее решение признается Церковью. Таким образом, новозаветный канон является церковным собранием исторических документов апостольского благовестия, а догмат становится церковным раскрытием апостольского исповедания Христа; следовательно, церковный строй делается продолжением того служения, которое Господь вверил апостолам, а через них — Церкви.

При этом новозаветный канон отличается от догмата и церковного порядка тем, что в нем апостольское благовестие не было сформулировано позднейшей Церковью, а только принято ею, в то время как в догмате и в церковном строе Церковь *собственными* словами признает апостольский авторитет и обязывает своих членов к послушанию этому авторитету. Библейский канон выдвигается на первое место среди всех других Апостольских Преданий благодаря тому, что мы встречаем в нем *подлинное* Предание апостольского посланничества (в словах ли самих апостолов, в словах ли первохристианской общины), а следовательно, *подлинное* предание слов и деяний Иисуса.

VI

Иисус не предлагал Своим ученикам писать, но проповедовать, и Павел писал свои послания не с целью создания новозаветной Библии, а исключительно в качестве замены своего присутствия и личного живого голоса для первохристианства характерны живая свобода и большое многообразие свидетельств, молитв, богословий и уставов — многообразие, которое отражается в различных преданиях синоптических Евангелий и Евангелия от Иоанна. В то же время уже в первохристианских общинах находят определенные предания, зафиксированные в точном словесном выражении, относящиеся не только к словам и деяниям Иисуса, но и к поучительным («керигматическим»), познавательным, песенным и литургическим формулам, которые подготовили быстро прогрессирующую в истории Церкви фиксацию литургии, догмата и общецерковного порядка. Чем более широкую сферу захватывал этот процесс, тем более отходили в богослужении на задний план свободные свидетельства и свободные молитвы харизматиков по сравнению с деятельностью клира, а проповедь и свободная (импровизированная) молитва носителей сана отошли на задний план по сравнению с точным текстом зафиксированного литургического чина. Чем более стремились к унифицированному фиксированию литургии, исповедания и церковного порядка, чем последовательнее проводилось после возникновения государственной Церкви это единообразное фиксирование, тем более стеснялось многообразие живого Предания.

Апостольское Предание находится под угрозой не только вследствие того, что оно отрывается от своей исторической основы (опасность от гностиков-энтузиастов), но также вследствие того, что его претворение в жизнь тормозится вновь возникающими формулами свидетельства, исповедания и молитвы, а тем самым суживается его существенно необходимое историческое многообразие (ритуалистически-законническая опасность).

VII

Экуменический диалог о догматическом значении Предания страдает оттого, что: 1) не делается достаточного различия между историческим процессом апостольского Предания и догматическим понятием Предания, в котором мыслится этот процесс, и 2) одним и тем же словом «Предание» в разных Церквах означает не одно и то же.

1. В церковно-историческом процессе Апостольского Предания надо выделить, как важнейшие, следующие этапы.

а) Устное Предание о словах и деяниях Иисуса и устная проповедь о Христе через апостолов, дополненная их посланиями.

б) Запись слов и деяний Иисуса, их собрание в различных «источниках» и переработка в различных Евангелиях в продолжение одновременной устной передачи не фиксированных письменно слов и деяний Иисуса, продолжались дальше. В то же время продолжалось устное возвещение о Христе апостолов через последующие поколения, причём апостольские послания читались и в тех общинах, к которым они первоначально не были направлены.

в) Собрание Евангелий и посланий, к которому приступила апостольская история. При этом границы новозаветного канона еще не были определены. Но еще во время Папия Иерапольского исследовалось устное Предание о словах Господа, а уже у Тертуллиана, Ириней и других антигностических отцов почти нет больше никакой ссылки на конкретную историческую передачу слов и деяний Иисуса, которые не записаны в Евангелии. Продолжающееся еще рядом с Евангелиями устное Предание о словах и делах Господа около 200 г., очевидно, уже так сильно растворилось в церковной жизни или было так сильно гностически искажено, что уже не было надежно осязаемым. В то же время продолжалось устное благовестие апостолов о Христе, причём устанавливается значение такого же авторитета новозаветного Писания, как и авторитет ветхозаветного Писания.

г) Фиксирование новозаветного канона, как источника апостольского Предания, происходившее в обстановке одновременно нарастающего закрепления форм литургии, догмата, прав и обязанностей клира, которые тоже должны служить были Апостольскому Преданию.

д) После завершения образования канона литургия, догмат и церковное устройство развиваются дальше в атмосфере растущего Предания толкования Писаний в экзегезисе, проповеди и догматическом учении, причём признается выдающийся авторитет отдельных богословов, обозначаемых и до времени фиксации канона и после него наименованием отцов и учителей Церкви,— при продолжающемся росте различных представлений и обычаев благочестия.

е) Каждая Церковь фактически стоит в Предании независимо от того, размышляет ли она об этом и развивает ли догматическое понятие Предания или она не делает этого.

2. Перед лицом этого многослойного фактического материала надо точно выяснить:

а) Что должно обозначаться понятием «Апостольское Предание»:

1) весь ли поток церковной жизни, включая представления и обычаи народного благочестия?

2) поток ли церковной жизни, насколько она обнаруживается в жизни и поведении клириков?

3) библейский канон, догматы, церковный строй, литургия, отцы и учителя Церкви?

4) библейский канон и догматы?

5) или только библейский канон?

б) Если же речь идет о Писании и Предании, необходимо выяснить, понимают ли под Преданием только догматы или же догматы, церков-

ный строй и богослужение или, кроме того, учение отцов и учителей Церкви, или еще, кроме того, высказывания клириков, или, сверх всего этого, и проявления народного благочестия.

в) Затем надо выяснить, какой авторитетный порядок этих различных составных частей Предания должен признаваться в их отношениях друг к другу.

VIII

Точка зрения Реформации на Предание еще не узнана, если принимается во внимание только ее *понятие* о Предании. Надо еще исследовать, какое употребление сделала она *фактически* из Предания. Словом «Предание» лютеранские вероучительные книги в своей защите против средневековых заблуждений обозначают почти исключительно «человеческие установления» церемониального и юрисдикционного характера, которые ошибочно провозглашались, как «переданные от апостолов» (напр., Апология, VII, 38).

IX

Лютеранские вероучительные писания обосновывают свои догматические высказывания свидетельствами Писания, ссылкой на догматические постановления Древней Церкви, которые они вполне принимают, и цитированием латинских и греческих отцов Церкви. Вместе с догматическими постановлениями Древней Церкви ясно принимались также и их анафематизмы (см. J. Koopmans, *Das altkirchliche Dogma in der Reformation*, 1955). Убедительнейшим доводом в отношении значения, которое признавалось за отцами Церкви, является содержащийся в Konkordienbuch «Catalogus testimoniorum» (лат. «Каталог свидетельств») «Указатель свидетельств Священного Писания и древних чистых учителей Церкви». Это собрание цитат, преимущественно греческих отцов, должно служить доказательством, что Konkordienbuch «не отступает от учения древних чистых Церквей и отцов» и не ввела «новых, чуждых, даже выдуманных, непотребных и неслыханных речей». В лютеранских вероучительных книгах рядом с содержащимся в Священном Писании Апостольским Преданием *фактически* играет выдающуюся роль Предание древнецерковных соборных постановлений и отцов.

X

В «Confessio augustana» (1530) нет принципиальных высказываний о соотношении авторитета Священного Писания с древнецерковным догматом и мнениями отцов Церкви. Но в преамбуле к Konkordienformel (1580) определенно говорится, что «правила и руководства, согласно которым должны быть проверяемы и судимы все учения и учителя, суть только пророческие и апостольские Писания Ветхого и Нового Завета». «Но к другим писаниям древних или новых учителей... нельзя относиться одинаково со Священным Писанием», они признаются только как толкование Писания, «как свидетели того, в какой форме после апостольского времени и в каких местах сохранялось учение пророков и апостолов» (из «Суммарного понятия» 1 f). Следовательно, авторитет отцов Церкви — производный авторитет. Он не стоит рядом с авторитетом пророков и апостолов, но суть его в том, что он служит сохранению, — а это означает одновременно — актуальному историческому раскрытию содержащегося в Священном Писании *подлинного* пророческого и апостольского благовестия.

Это реформаторское определение соотношения авторитетов не было чем-то новым по сравнению с древнецерковным и средневековым богословием. Со времени установления новозаветного канона Предание получило значение вместе с Писанием, прежде всего, как регулятор цер-

ковного понимания Писания, но не было самостоятельным авторитетом, стоящим рядом с Писанием. Так, согласно Иринею, а также Викентию Лиринскому, Священное Писание содержит полное учение апостолов (ср. Geiselmann в римско-католическом сборнике «Die Mündliche Überlieferung (устное Предание)», 1957). Также — Фома Аквинат, который в значительной степени переработал Предание, сделал в первом основополагающем вопросе первой части своей «Summa Theologiae» источником богословской науки только одно Писание. Всегда в древности и в средние века Священное Писание пользовалось таким высоким авторитетом, что Предание в сравнении с ним казалось не больше, чем придатком (Geiselmann, S. 166). Не новой была принципиальная оценка Священного Писания и во время реформаторов: она явилась критическим использованием Священного Писания против искаженных средневековых преданий. В отличие от средневекового богословия, они уже не приводят искусственно в гармонию Писание и Предание, они подчинили церковное Предание проверке Священным Писанием и очистили его, применяя это выверяющее мерило. Этому же мерилу остались подчиненными в реформированных Церквях и самый авторитет реформаторов и авторитет клириков, так же как и все благочестие и богослужебные порядки.

XI

Очищение римско-католических церковных Преданий путем лютеранской Реформации нельзя смешивать с библиистским пуризмом; хотели устранить только то, что явно противоречило Священному Писанию. Зато было удержано многое, что росло в течение истории Церкви, не противореча Священному Писанию. В этом отношении лютеровская Реформация отличается от Реформации Кальвина. Памятуя о том, что апостольское благовестие должно было по своей сущности первично передаваться не как читающаяся вслух книга, но как устная проповедь, Лютер не забывал и о жизнеспособности Апостольского Предания во все новых и новых исторических словах и деяниях Церкви и в том, что выросло в истории Церкви. Меланхтон сделал в этом направлении еще больше, чем Лютер, объявив древнецерковное Предание, в отличие от средневекового, имеющим принципиальное значение как истинное истолкование Писания. Кроме того, Меланхтон считал основой церковного единства, наряду с Писанием, единомыслие (*consensus*) Древней Церкви (срав. O. Ritschl, *Dogmengeschichte des Protestantismus* («История догматов протестантизма») I, 1908, 4, 193 ff.).

Из этих предпосылок следует, что тюрингенские богословы в своей переписке с вселенским патриархом Иеремиею II исходили из убеждения, что Церковь лютеровской Реформации имеет ту же веру, является такой же апостольской Церковью, как Православная Церковь Востока. Они признавали древнецерковные догматические постановления правильным изъяснением Писания по отношению к лжеучениям тогдашнего времени и придерживались их. Выступая против римско-католических заблуждений своего времени, они были, вместе с тем, уверены, что, базируясь на Священном Писании, подобно отцам Древней Церкви, они выполняют такую же историческую миссию, которую выполняли в свою эпоху древние отцы, решавшие возникавшие перед ними задачи.

Новым во всем этом явилось представление о том, что наряду с Священным Писанием — этим единственным правилом и единственной безошибочной мерой — было принято во внимание Апостольское Предание, в котором звучит живой голос благовестия. На этом основании можно по-новому подойти к решению вопроса об исторически сложив-

шихся различиях церковных преданий, а также вновь открыть единую апостольскую основу в различных направлениях исторических процессов.

ПРОФЕССОР-ДОКТОР ЭДМУНД ШЛИНК

Профессор-доктор Эдмунд Шлинк родился в 1903 году в Дармштадте. С 1932 года — духовник студентов в Дармштадте; с 1946 года — штатный профессор Систематического богословия (Догматика и Экуменическое богословие) в Гейдельбергском университете; директор Экуменического института Гейдельбергского университета; доктор философии (Марбурге), доктор богословия (Майнце), доктор богословия (Эдинбурге), доктор богословия «гонорис кауза» (Православный институт св. Сергия в Париже).
